

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ

Неотъемлемая и важнейшая часть национальной культуры – язык. Именно в языке выражены особенности народа, его характер, специфика мышления и художественного творчества. Еще великий русский классик А.И. Куприн утверждал, что «...язык – это путь цивилизации и культуры». Состояние современной языковой культуры вызывает тревогу. Социальные сдвиги нашего времени, связанные с изменениями в структуре общественно-политического строя, сменой состава активных участников коммуникации, приводят к известному «расшатыванию» литературных норм. Это выражается, прежде всего, в росте ненормативных вариантных элементов, возникающих под влиянием нелитературного просторечия, диалектов, в обилии новых иностранных слов и терминов (не всегда функционально оправданных) и, наконец, в стилистическом снижении современной устной и письменной речи, в заметной вульгаризации бытовой сферы общения. Сегодня индивидуум желает говорить, как ему удобнее. Речь современной молодежи приводит в негодование учителей, родителей, преподавателей старшего поколения, остро реагирующих на режущие слух выражения. По данным последних исследований, например, только в студенческой среде степень жаргонизации речи в такой, казалось бы, безобидной сфере общеоценочных слов-синонимов «хорошо – плохо» превышает 50% для юношей и 33% для девушек.

Следует отметить, что идеального, «неиспорченного» языка в принципе никогда и не существовало, даже во времена А.С. Пушкина. Блюстителям чистоты языка всегда было за что бороться. В разные периоды развития языка и общества разным был и объект борьбы. Например, в России XIX века существовал бурсацкий пласт лексики: его употребляли учащиеся особой школы – бурсы, которая отличалась жесткой дисциплиной и аскетическим бытом. Бурсаки часто бывали голодными и подкреплялись тем, что удавалось достать незаконным путем. С того времени закрепились в русском языке варианты слова «украсть» – «сбондить», «слямзить», «спереть». В 20-30-ые годы разговорную речь «захлестывали» волны уличной стихии беспризорников, воров; митинговый язык революционных матросов и солдат (кстати, именно оттуда пришло к нам популярное сегодня сленговое слово «братишка» в значении «близкий по духу, по профессиональной деятельности»).

В последние десятилетия XX, а также начала XXI веков сформировался своеобразный речевой стиль современности – молодежный сленг (молодежный жаргон), который развивается преимущественно в школьной и студенческой среде и почти не имеет собственных слов. К сожалению, следует констатировать такой факт, что основные источники пополнения сленговой лексики находятся за пределами литературного языка. Чаще всего стихия, питающая молодежную речь, – это все новое, нетрадиционное, отвергаемое обществом. Это речь музыкальных рок-лидеров. Это пласт лексики, пришедший из среды наркоманов («колеса» – наркотические таблетки, «косяк» – самокрутка с наркотиком, «нюхачи» – токсикоманы). Это сниженный компьютерный разговор («вырубить» – выключить, «Некрософт» – компания Microsoft). Это пласт арго – блатной язык: «Условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной социальной или профессиональной группой, ее условный язык» [1]. В значительной степени активное проникновение арготизмов в речь молодежи объясняется тем, что язык современной тюрьмы стал достоянием гласности: было снято табу на лагерно-тюремные темы в литературе и кино, а это немедленно нашло отражение в прессе. Кроме того, не приходится отрицать и фактора заметной криминализации общества. Многие слова

пришли в молодежный сленг из воровского аргота: «крыша» - защита, «шмон» - проверка дневников родителями, сбор тетрадей учителем на проверку, обращение в среде школьников «братва».

Выделение молодежного сленга в особую группу языка и речевой практики основывается на нескольких моментах, о которых нельзя не говорить.

Для молодежного сленга характерно **эмоционально-игровое начало**. К. Чуковский очень точно подметил эту особенность речи школьников: «Школьники – скрытный народ, и я не удивился бы, если бы вдруг обнаружилось, что главная прелесть речи заключается для них в именно том, что против нее восстают педагоги» [2]. У школьника своя система ценностей, свой престиж, своя норма, которая чаще всего является антинормой. В этой антинорме главный принцип – элемент шока и насмешки (чтобы не было скучно, «прикольн»). В этом еще и своеобразный вызов обществу, благополучному, преуспевающему, неприятие его норм, образов, приличий. «Улет», «отпад», «оргазм» – так может выразить восторг сегодняшняя девушка-школьница; скучную музыку она же назовет «депрессняк», а старательного ученика – «ботаник».

Другая важная характеристика молодежной речи – ее **«первобытность»**. Ассоциация с языком какого-либо первобытного общества возникает, когда мы наблюдаем постоянную изменчивость жаргона, как во времени, так и в пространственном измерении. Не успев закрепиться, одни формы речи уступают место другим: так не столь давнее (80-ые годы) жаргонное «мани» (деньги) заменили «баксы» и «бабки». Аналогичные процессы отмечали в начале века исследователи этнографии в языках южноамериканских индейцев, для которых миссионеры не успевали переписывать словари. В этом качестве молодежной речи есть существенный положительный момент: с развитием личности, со становлением характера и мировоззрения молодого человека «уходят» в небытие и слова молодежного жаргона. Неопределенность, размытость значений слов были отмечены Д.С. Лихачевым как «атавистический примитивизм» речи, сходный с диффузностью первобытной семантики. Это выражается в том, что молодежь часто использует слова и выражения, значения которых до конца не осмысливает и не стремится осмыслить, играя на внешней яркости образа («меня колбасит»), а нередко и затрудняется осмыслить, порождая в речи цепочки слов-паразитов. Кроме расплывчатой семантики атавистический примитивизм речи проявляется и в заниженности сфер лексики, и в стилистически заниженных грамматических формах, используемых в речи (например, уничижительные суффиксы -няк-, -ня-: «отходняк», «тусняк», «тусня»; усечения: «препод», «ботан»; фамильярные суффиксы в личных именах: Димон, Колян, Юрец). Показателен в этом плане пример из книги К. Чуковского «Живой как жизнь»: «С глубокою тоскою узнал я о литературной беседе, которую вели в библиотеке три школьника, выбиравшие интересную книгу:

- Возьми эту: ценная вещь. Там один так дает копот!
- Эту не бери! Лабуда! Пшено!
- Вот эта жутко мощная книжка!» [3].

Тот, кто подслушает такой разговор, огорчится не только лексикой этих детей, но и тем низким уровнем их духовной культуры, убожеством психической жизни круга молодых людей, который культивирует их. В самом деле, одни лишь грубые интонации возможны в той примитивной среде, где: вместо «компания» говорят «кодла»; вместо «пойдем обедать» - «пошли рубать»; вместо «мне это неинтересно» - «мне все до лампочки». Жаргон убивает мысль, отучает думать, являясь в то же время «болезнью роста», которой надо переболеть, как корью. Жаргон недолговечен, быстро исчезает, как явление возрастное и психологическое, движется во времени. Плохо, если «болезнь» затягивается, переходит во взрослую жизнь, если, кроме жаргона, за душой ничего нет. Жалок в своей языковой беспомощности или смешон в нарочитой вульгарности тот, кто

вне школьной или студенческой среды сыплет, как шелухой от семечек, пустыми словечками, вроде «клевый», «чувиха», «герла».

Следующее качество молодежной речи, отличающее ее от нормативной, – это принадлежность данной категории к **разновидности языка микросоциума**, то есть, обособленной группы людей. Жаргон служит опознавательным знаком того, что этот человек принадлежит данной социальной среде. Используя в общении сленг, члены этого микросоциума, кроме основной информации, всегда передают еще и дополнительную: «Я свой, я с вами, мы вместе в одной группе». Чаще всего именно эта информация и становится основной, скажем, в момент знакомства или во время «ритуального» обмена репликами среди футбольных болельщиков. В этом случае это уже не просто набор слов и выражений, а достаточно развитая подсистема языка, обладающая собственными нормами и позволяющая достаточно полноценно общаться. Использование «своего» языка позволяет членам группы чувствовать себя сплоченнее, дает яркое переживание единства, взаимопонимания, вот почему наши ученики имеют такой восторженный вид, обмениваясь ничем, на наш взгляд, не значащими возгласами.

Необходимо отметить одну существенную особенность жаргона – **экономичность**. Жаргон не может иметь слишком обширный словарный запас, тогда его пришлось бы учить как иностранный язык. Поэтому он решает проблему за счет многозначности всех своих единиц. Достаточно вспомнить знаменитое словечко «дык» из лексикона Митьков, которое может значить в зависимости от контекста все что угодно. На первый взгляд, бедный словарный запас можно считать проявлением скудомыслия, но задумаемся: если при этом людям все же удастся эффективно и разнообразно общаться, то не говорит ли это об их изобретательности и уме. Говорящий должен так выстроить контекст, чтобы его поняли, а слушающий – так проанализировать услышанное, чтобы уловить верный смысл из множества возможных! Эта постоянная игра со смыслом позволяет всем участникам разговора получать эстетическое удовольствие. Выразительные возможности жаргона приводят даже к таким экспериментам, как перевод на жаргон широко известных текстов: от анекдота про хиппи до «Евангелия от митьков» и экзерсисов Виктора Шаповала с переводом «Слова о полку Игореве». Эти эксперименты вызывают двоякое отношение: с одной стороны, нельзя не возмутиться подобными изысканиями, с другой, тексты обладают определенной забавностью. Важно только, чтобы текст перевода читал человек, знакомый с оригиналом. Собственно, в этой двуплановости и заключается языковой интерес к тексту.

Наконец, еще одно ценное свойство жаргона – по сути, это **живая лаборатория языка**. В «большом» языке изменения происходят медленно и постепенно, судить о них можно только на основании старых текстов и работ историков языка. В жаргоне на протяжении жизни одного поколения слова появляются, порождают словообразовательные гнезда, образуют модели управления, переживают семантические смещения и умирают или переходят в литературный язык. Благодаря такой подвижности жаргон быстрее реагирует на изменения в реальном мире. Как это ни парадоксально, но бедный по словарному запасу жаргон порой может выразить то, для чего в русском литературном языке нет средств (или есть, но очень громоздкие). Попробуйте перевести на литературный язык молодежное слово «крутой» и убедитесь в собственной ущербности понимания данной лексемы. В лексиконе русскоязычного населения (данные опроса школьников старших классов школы № 53 с углубленным изучением некоторых предметов г. Барнаула, студентов БГПУ и АГИИК) обнаруживаются совершенно разные понимания и далеко не литературная трактовка данного слова:

- навороченный «новый русский»;
- индивид, у которого есть деньги, власть, положение;
- человек, пользующийся уважением в своих кругах, авторитет;

- уверенный в себе, ни с кем не считающийся;
- клевый, классный.

Как результат подобных размышлений о сущности такого языкового явления, как современная молодежная речь, был проведен педагогический эксперимент в одной из школ города Барнаула. Общее количество респондентов составило 68. В ходе эксперимента предстояло решить ряд конкретных задач:

- выяснить, насколько адекватно понимание жаргонизмов, используемых в речи современных школьников;
- выявить частотность употребления учащимися частей речи в сленге и их зависимость от смысла высказывания;
- определить, чем обусловлено использование тех или иных жаргонизмов в речи школьников;
- выяснить, имеются ли отличия между сленгом девушек и юношей, какие именно.

Сами учащиеся выступали в роли исследователей: им необходимо было составить словарики наиболее употребляемых ими жаргонных слов и выражений.

Следует отметить, что 5 из общего количества учеников отказались выполнять задание, мотивировав отказ тем, что они не используют и не хотят использовать (заслуживающее внимания и поощрения позиция!) жаргонные слова в своей речи. Эти ученики имеют отличную и хорошую успеваемость, умеют красиво и правильно говорить, их лексический запас настолько богат, что для выражения собственных мыслей и чувств им сленг не нужен. Такие ученики выделяются из общей массы класса, и это не может не радовать. Но, осознавая ненужность особого языка, который отличал бы их от взрослых, эти школьники дистанцируют от большинства одноклассников не только в речевом, но и в социальном поведении. Они остались за рамками, за пределами школьного классного коллектива, который объединяет речевой койне – жаргон. Словесная игра стала средством отделения одних людей от других. Думается, что количество учеников, не стремящихся использовать в своей речи жаргон, на самом деле значительно больше. Сказывается фактор «боязни» быть не понятым и не воспринятым в молодежном коллективе. Для огромной массы учеников жаргон является лишь средством «попадания» и «жизни» в определенной среде (вывод сделан на основании анонимного опроса школьников).

По данным составленных словариков почти все школьники (86%) не различают не жаргонные и собственно жаргонные слова (так, например, существительные «даун» и «фенечка» неправомерно отнесены реципиентами к жаргонизмам). Часть учеников, активно используя в речи сленговую лексику, дает, тем не менее, не совсем верное толкование значения слов: например, «стрелочник», по мнению составителей словариков, – это «тот, на кого сваливают вину»; на самом же деле это тот, кто перекладывает вину на другого человека. Более того, подростки, не осознающие необходимость перехода при составлении словарных статей от одной стилистической разновидности к другой, не смогли растолковать некоторые слова («клево», «угорать»), поскольку для толкования многих слов нужно использовать нормативную лексику, а ученик не имеет навыка владения подобной. Этот факт подтверждает мысль о том, что школьник автоматически, почти бессознательно, пользуется языковыми штампами, принятыми в определенной (ученической) среде, без возражений приемлет диктат моды и некоей субкультуры.

С точки зрения словообразовательных моделей современного лексикона подростка необходимо отметить наличие и обилие в словаре однокоренных слов и образований: «прикол – прикольно – прикольный – приколоться», «хавать – хавчик – хавка» и т.д. Типовыми способами образования слов являются префиксация и суффиксация. Так, английские глаголы приобретают в речи молодежи следующие русские суффиксы: -а- (-ть) (to ask – аскать – просить; to come – камать – прийти), реже -и- (-ть) (to upgrade – апгрейдить – увеличить), -ну- (-ть) (to escape – эскейпнуть – избежать; to ring – рингануть

– звонить). Как правило, эти глагольные суффиксы не меняют значения исходного глагола, а просто дают возможность спрягать данные образования, строить с ними нормальные русские предложения: Камай сюда! Попробую проэскейпать химию! Иногда эти глаголы приобретают в сленге новые значения. Так, глагол «аскать» расширил лексическое наполнение: в речи современного школьника 10-11 классов этот глагол употребляется со значением «просить деньги, попрошайничать». Суффикс -ну- добавляет к значению английского слова значение совершенного вида.

Наиболее частотные приставки, используемые для образования сленговых слов, заимствованных из других языков, – за-, по-, при-. Они вносят в значение заимствованных глаголов дополнительные оттенки. Например, глагол «заслипать» (от англ. to sleep) – это не просто спать, а близко к заспать, когда слипаются глаза от усталости.

Имена прилагательные чаще всего образуются с помощью суффиксов -ов-, -аст-, -ат-, -нут-: «кризовый» (сумасшедший), «кайфовый» (доставляющий удовольствие), «литловый» (маленький), «хайратый» (волосатый), «крезанутый», «шизанутый» (ненормальный). Интересный тип представляют собой прилагательные, образованные по образцу русских аналогов с приставками, но от заимствованных корней. Это слова типа «беспрайсовый» (не имеющий денег).

Анализ словообразований показал, что в сленге современных школьников наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, сленг пополняется за счет активного заимствования слов из других языков (чаще английского). С другой стороны, ко многим иностранным словам в сленге прикрепляются соответствующие новообразования или кальки.

Все слова, представленные учениками, были классифицированы и в группы по частям речи.

Первую группу составили имена существительные (в общем количестве их насчитывается около 37). В свою очередь можно выделить подгруппы:

- слова, называющие каких-либо лиц, людей: «Техник» - человека, который слушает техно-музыку; «шнурки» - родители; «чувиха» - девушка;
- оскорбительные наименования человека: «тормоз» - человека с замедленной реакцией; «трепло» - человек, не умеющий держать слово;
- слова, называющие части тела человека: «репа» - голова; «табло» - лицо;
- существительные, которые, так или иначе, связаны с время проведением школьника: «телега» - песня; «тусня» - вечеринка; «без мазы» - без желания.

Вторую группу по активности использования и количеству слов (около 23) составляют глаголы. Семантика их в основном отражает чувства, настроения, действия героев в определенный момент времени: «клубиться» - проводить время в клубе; «плющит» - плохо чувствовать себя; «кинуть» - обмануть.

Третье место по частоте употребляемости занимают слова, близкие к наречию (14): «стремно» - плохо; «здраво» - очень хорошо; «клево» - красиво, хорошо.

Четвертую группу образуют имена прилагательные (13): «беспонтовый», «стремный» - плохой; «клевый», «здравый» - хороший. Предположительно, малочисленность прилагательных объясняется тем, что каждое слово жаргона уже несет в себе экспрессию, содержит оценку, поэтому в дополнительных «определениях» не нуждается.

Следует отметить единственный случай употребления и выделения в словарике междометия. Его нельзя не обойти вниманием, поскольку все респонденты выделили в собственных исследованиях это слово – «блин», обозначив его как «когда что-то не получается, не ладится, для выражения чувств досады, злости». Характерно, что никто из школьников не отметил другого значения этого междометия, когда оно употребляется для

выражения высшей степени восторга, похвалы. Вероятно, актуальным для речи подростка является все же значение выражения этим словом отрицательных эмоций.

Особую группу представляют фразеологизмы, бытующие в школьном сленге (13): «ударить по мусалу» - побить; «бородатый холодильник» - Дед Мороз; «фильтруй базар» - следи за своей речью.

Синтаксический строй речи современного школьника представлен доминирующими простыми двусоставными предложениями, в редких случаях распространенными. Экономичный сленг позволяет разговаривать, используя минимальное количество слов и выражений, чтобы не просто передать необходимую информацию, но и достичь при этом экспрессивного самовыражения (как не вспомнить Эллочку Людоедку, которая стала своеобразной прародительницей современного молодого человека).

С позиции лексического наполнения все слова, описанные в словариках школьников, ограничены определенной сферой деятельности учеников – модной одеждой, музыкой, общением с друзьями, проведением свободного времени. Характерно, что собственно предметной деятельности (учёбе, школе) в словариках посвящено незначительное количество слов, что позволяет говорить об интересах современного молодого человека, у которого профессиональная деятельность находится на одном из последних мест в системе приоритетов и ценностей. Практически все лексемы, отмеченные школьниками, однообразны, повторяются в той или иной вариации, объясняются разными респондентами одинаково. Это дает возможность говорить об участниках эксперимента как о членах одной социальной группы, одного микросоциума со свойственным ему языком, позволяющим ощутить единство (духовное и рациональное). Отдельные жаргонизмы имеют синонимы и антонимы: «бык, шкаф, бугай» - большой, сильный человек; «стрем, фуфло» - «здорово, прикольно, клево, классно» (плохо – хорошо).

Анализ представленных словариков школьников позволяет сделать некоторые выводы, актуальные для современного общества в целом, а также для педагогического воспитания личности современного ученика. Во-первых, в процессе изучения языка как такового практически не учитываются условия реального общения учеников друг с другом. В центре внимания педагога чаще всего находится сам язык, языковая система, а не личность, воспроизводящая в определенной речевой ситуации этот язык, интерпретирующая его согласно условиям и цели коммуникации. Зачастую прямо противопоставлены две основные сферы деятельности современного подростка: учебная и свободная. Такое противопоставление и неприятие первой порождает нежелание и активное неприятие учения (учеба – это необходимый временный этап, который нужно «перетерпеть», чтобы в дальнейшем жить). Во-вторых, желание выделиться, обратить на себя внимание, стать «своим» среди определенной группы подростков отнюдь не ставит ученика в позицию противопоставления со взрослым. Язык жаргона – это только примета времени (еще Бодуэн де Куртене относил язык студентов, институток к «условному» языку). Важно, чтобы с развитием и становлением человека молодежная среда с особым стилем общения и речи переставала быть актуальной, на смену ей приходили бы другие ценности, а язык, отражающий быт, нравы, интересы, взгляд на мир определенного возрастного периода постепенно приобретал все более реальные черты литературной нормы, литературного языка в целом.

В этом плане учитель русского языка и литературы просто обязан знать и учитывать в процессе преподавания особенности молодежной речи, при этом не запрещая и не отвергая ее, а принимая и заставляя ученика анализировать собственную речь с точки зрения нормативности, стилистической окраски и других значений используемых лексем. Педагог, который знает и владеет специфичной речью, всегда найдет подход к объяснению того или иного языкового явления, языкового поведения ученика, тем самым органически входя в систему ценностей школьной аудитории, но уже с позиций знатока и

коммуникативного лидера, способного объяснить этимологию элементов жаргона, историю заимствований на материале молодежного сленга, образование жаргонизмов и способы их функционирования в повседневной речи и в художественном тексте и т.п. Думается, что такой учитель заставит школьников относиться к языку как к явлению искусства слова, а не просто способу передачи определенной информации, а сам учитель станет эталоном коммуникативных качеств речи.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 2000.
2. Чуковский К.И. Живой как жизнь: О русском языке. Москва, 1982.
3. Чуковский К.И. Живой как жизнь: О русском языке. Москва, 1982.

